

**Слово похвальное о преславной над войсками свейскими
победе, пресветлейшему государю царю и великому князю
Петру Алексеевичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России
самодержцу, в лето господне 1709 месяца иуны дня 27
богом дарованной**

Егда пресветлое пресветлаго величества твоего лице, царскою честию и дивною неописанной победы красотою сияющее, в сем нашем, паче же твоём, жителстве (еже ест верх благополучия нашего) видети сподобляемся, пресветлейший и великодержавнейший всероссийский монархо и преславный войск свейских победителю, кое иное дати тебе приветствие и что болшее в дар гостинный имамы принести тебе? Разве неслыханной сей богом тебе и тобою всем нам дарованной победы похвалу и рождшейся от нея общей всероссийской радости извещение. Аще бо и не требует словес наших твоя по всей селенной проходящая нынешняя слава — толь многия бо имеет проповедники, коль многия слышатели вести сей обретает, — обаче от нашей части долженство есть, да не молчаливи будем мы, иже под высокою твоею державою пребывающий и победителнѣм оружием твоим хранимъ, егда и и поземный роди и страны велегласно гласят победу твою и о ней тебе торжественно сорадуются. Найпаче же сия неизглаголапная, ея же недостойный бехом, данная нам от бога твоим и твоего воинства мужественным подвигом радость не терпит в нас молчания, ею же возбуждаемый, аще бы имел бых тысящу устен и гортаней, ни единой бы воистинну не было возможно праздновати. Еже бо обычне притворяют велеречивый ритори, егда хотяще что до удивления похвалити, глаголют, яко превосходит то всякую похвалу и не обретается ему равное слово, то непритворне, но истинне о твоей сей предивной победе глаголем, что всяк, аще бы и завидящий тебе был, исповестъ и засвидетельствует. Дело воистинну неслыханное, дело преславное, дело, егоже изрещи не доволен ест всяк язык, всякая быстрота ветийская! Победи бо величество от супостата побежденного, како силен, страшен и славен есть, к тому от лютои брани, от тяжести подвигов, от великих нужд и различных препятій познавается. Не великий победитель Домитиан, о нем же повествуют, яко мухи убивати обыкл бѣше; великий же — Самсон, иже два растерза, великий, аще истинный, Ираклий, иже многия неукротимыя зверы и змия седмоглавнаго умертви. Подобне и преславной твоей победи величество и славу, пресветлейший наш монархо, не иным мерылом мерим, токмо силою и храбростию побежденного от тебе супостата, свирепством и лютою свейскаго, ногою твоею поправаго, и множеством

нужд, злосудий, наветов и препятий великих, обаче вскоре оружием твоим раздрушенных и испразднвшихся. Да убо достойнейшее нечто о толицей вещи изречем (аще и ничтоже зде по достоянию изрещися может) и да известнее познаем благополучие наше и богоданной тебе ныне, царю царей высочайший, славы величество увидим, подобает мне первее глаголати о побежденного супостата силе, дерзости, мужестве, к тому о тяжести лютоści брани. Не да аки неведомую вещь извещу сия, яже всему миру известна и явля суть, но да воспоминающе, аки вторицею терпяще, мимошедшая беды, множае о наставшем благополучии возрадуемся. Егда же вся части ветви сей подробно разсуждаю, толикое во всем обретаю величие, яко что-либо изречем о единой коейждо от них, мало воисгину и недоволено будет, обаче аще что и простым повествованием произнесем, безмерного величества всякому слышателю возмнится быти.

Супостат воистинну таковой, от яковаго непобежденну токмо быти великая была бы слава, — что ж таковаго победити, и победити тако преславно и тако совершенно! Между инными бо народами немецкими он яко сильнейший воин славится и доселе прочиим всем баше страшен. Таковоеже о себе во народах ощущая мнение, безмерно кичится и гордится и народи прозирати павыче: единого себе помышляя быти непобедима, и уязвитися не могуща, и аки бы от твердой руды составленна. Аще и всеу презираше крепкия о господе силы российские; не безсилием бо православное сие царство толико разширися, яко вся западныя государства нротиву величества его суть, аки реки против безмерного окиана, и уже прилично о нем реши оно псаломское слово («Прострет розги его до моря и даже до рек отрасли его»), Не безсилием дивныя народы — Казанския, Астраханския и Себерския царства, и ипныя на восток и запад и на полудне и север лежащия многочисленный грады и страны — укроти и державе своей подверже. Обыйди кто или паче облети умом — начен от реки нашей Днепра до берегов Евксиновых на полудне, оттуду на восток до моря Каспийскаго или Хвалинскаго, даже до предел царства Персидскаго, и оттуду до далечайших пределов едва слухом ко нам заходящаго царства Китаехинскаго, и оттуду на глубокую полу ночь до Земли Новой и до берегов моря Ледоватаго, и оттуда на запад, до моря Балтицкаго, — даже паки долгим земным и водным протяжением прийдеш к помянутому Днепру. Сия бо суть пределы монархи нашего. Сия же вся не безсилием, якоже рех, ни ужем деломерным, но разве храбрым и мужественным оружием можаху определитися. Откуда яже есть, яко всеу супостат наш, ныне побежденный, презираше Российской монархии силу и крепость, дондеже сам собою

со великим своим бедством совершенно уже неискуси. Но дивные есть, како и прежде сего на себе самом не позна того. Явная бо того свидительница есть десятилетняя сия брань, егда многия крепкия грады, пеправедне от пего удержанныя, отъяты ему суть и на многих местах полки его царственным оружием пораженны, изряднее же под Калишем, идеже верностию ко своему монарсе зело славимаго светлейшаго Римскаго и Российскаго государств ижерскаго князя Александра Даниловича Меншикова яве показася неопреодоленная храбрость. Такожде во Ипгрии, при брезе мора Балтицкаго, идеже инный мечем, инный же страхом пораженны суть супостаты, иже, своя кони заклавшие, ветру и морю во защищение довериша себе. Такожде под градом, нарицаемым Добрым, при реце Черной Напи, идеже сам свейский король, печальный пагубы воев своих зритель, непощаде власов и персей своих: и градец убо Доброе победителю торжествующу, Чернаяже Напа побежденному супостату, именем своим мняшеся приглашати. Что же реку о преславной под селом Пропойском победе, идеже самага тебе, пресветлый наш монархо, виде ратное поле марсовый пламень мужественне терпящаго, дондеже того супостатскою кровию победителне не угасил еси, — невоспомяная инныя многия победою прославльшияся места! Не приличноже было бы зде на обличение свейской гордости привести во свидетельство самых инных монархов, добре о силе российской свидетельствовавших! Но понеже спешится слово ко совершенному мужеству рускаго извету, ко нынешней, глаголю, неслыханной победе, того ради довлеет едино токмо воспомянути, еже в своем на Москву поселстве написа Гербестейн, быв иногда носед от величества римскаго ко российскому монарсе, блаженныя памяти Иоанну Василиевичу. Той бо, хотя показати, како оттоманстии монарси о силе российстей судят, глаголет сие: «Турский, — рече, — султан, егда пришедших к себе послов полских восприси тогдашнем отечества их состоянии и услыша, яко их король с царем московским в брань входит, удивляясь, отвеща им: “Дерзок, — рече, — зело король ваш и неравною силою с великим братися хошет”. Великое воистину свидетельство, и едино вместо всех! И не без ума изрече сие султан; видяше бо многия над многими народы победы российскаго оружия и на себе самом искуси, якоже и послежде наследником его свидетелствовалася в разоренном Кизикермене и в отъятом Озове.

Сеже все помянухом, да яве будет, како суетне силу свою над силу российскую возношаше побежденный ныне супостат. Обаче якоже всяк горделивый что либо сам имеет похвальное, зело велико мнит быти, вся же чуждая, аще и болшая, малая быти разумеет, подобие сей слепствоваше. Но слепота сия велми его умножаше

дерзость; сие бо слепствуяй не тако, яко же слеп телесныма очима всего боится и вся окрест себе ощущает, но, ослеплен мпением силы своей, ничто себе противно и страшно не мнит быти и тако во стремнину и в огонь вметает себе. Самой убо ради таковой дерзости великий и лютый супостат наш бяше. Но и, кроме того, силен воистинну и храбр; ниже бо нам прилично есть не исповедати, еже есть истинно: найпаче егда тым самым является великая победы нынешней слава, яко сильный и страшный побежден есть.

Но еще природную свою силу безмерне умножил бяше безмерным богатством, имением и прибытком, нещадне и многократ не по Литве, и Полиши, и Саксонии, по Слeйску и Курляндии награбленным. Кий град и кий дом избеже опасной и многоочной его несытости? И кое тайное сокровище можаше укритися от лютаго его истязания и хищения? От толикаго же стяжания колико умножися крепость его! Не всеу бо искуснын во воинстве мужие изобилие и богатство жилоу воинства нарицают; ибо якоже жилы, связывающе составы тела, укрепляют тело, тако и богатством и собираются многии, и собранный удоб содержатся мои, еже есть крепкий союз всего воинскаго сослана.

Что же речем, егда коварным наущением и тайным руководством от проклятого зменника введен есть внутр самую Малую Россию (ибо сам собою не мог бы никогдаже и не дерзнул бы внийти)! Зде воистину супостату нашему сила, тебе же, отче отечества нашего, пресветлейший мопархо, умножилися бяху труды и препятия. Богу лучше, что тебе устрояющу, якоже бо делом уже самым показася; не иной ради вины на толь долгое время отложил бяше бог назнаменованную тебе судьбами своими над врагом сим победу, токмо дабы в той час его победил еси, егда бы не недивная и не обычная, но преславная, неслыханная и безприкладная явилася твоя победа, подобие якоже иногда творяше со судиями истраилскими, их же тогда воздвизаше и вооружаше на брань, егда зело супостатские умножахуся сили. Толь же лютую и трудную брань виде, сие и сперва скорбное и уже веселым концем увенчанное лето, яко вся мимошедшия годы, со сим сравненныя, могут нарецися миром и тишиною. Первее бо, всем вестно есть, како тяжчайшая брань есть во пределех своего отечества, нежели во чуждих: внутренний страх и боязнь, разбегаются и криются жители, престають купли, оскудевают мытници, отечества имением питается и богатеет супостат и ничогоже не щадит, яко чуждаго, но и, кроме потребы и нужды своей, разграбляет и разоряет. Словом рещи, якоже лютейшая и не скоро врачуемая болезнь есть внутренняя, в самой утробе криющаяся, нежели вреды на верх тела, тако и брань внутр земли, нежели за пределом. На-

пшаже и внутреняя брань не простая и не обычная бяше. Не сам бо токмо собою яряшеся супостат, но прицепишася к нему и полчища зменническия. И зло ко злу приложися. Коего бо zde тебе бяше многоочнаго опаства, еже бы своих от чуждых, верных поданных от отступников и зменников, приятелей от врагов разознати? Повествует славный стихотворец римский Виргилий, яко, егда греки пленяху и раздрушаху град Трою, неции от троянов, побивше шедшихся со собою некия воя греческия, броня их и щити на себе возложиша и, таковым покровенны суще видом, многих инных супостатов нечаянно побиваху; мняху бо тыи, яко свои суть, и без опаства схождахуся. Не тако ли творяшеся и во смущении сем зменническом? Разве яко тамо доброю хитростию подвизахуся за отечество трояни, zde же диаволским наущением на пагубу своегоже отечества мечтахуся клятвопреступный зменници. Но и большее zde и неудоб познаваемое бяше коварство: не броня бо токмо, но и лице и родство наше ношаху на себе изверги отечества нашего; под видом же тым таяшеся вражда, яко же и известно ест» с гтоследной твоей, пресветлейший монархо, грамоти лукавых запорожцах. Брань убо спя сотворнся брань пощная; аки бо в темной пощи, великое бяше недоумение, кого хранится, на кого наступати, кого заступати; в едином граде, в едином дому можаху быти двоих противных стран оружия?

Кто благоразсудный и православие наше любящий не поболе о сем! Чтоже рещи о твоём сердци, пресветлейший наш монархо, егда приять вестъ о нечаянном сем проклятаго и неблагодарнаго раба отступстве! Вемы, яко сердце твое не поколебается страхом, не унывает во злочлчении, не боится военных громов. Видим бо тебе наших ради угодий вся угодия отвергшаго, вар и зной носящаго, многия и далекия пути подъемящаго. И что не делающаго, киих трудов отрицающася? О бы тако верне и трудолюбие служили тебе, царю, слуги и поддании твои, якоже ты, царь сый, слугам и подданным твоим служиши! Крепко убо и недвижимо есть сердце твое! Обаче не уязвляемо сущи никоимже бедствием, люте, мноу, уязвися неслыханным сим воспитаннаго и вознесгшаго тобою безсовестнаго раба неблагодарствием: сия тебе во брани сей, не иная нанесеса язва. Сверепая воистинну и лютая болезнь есть, аще кто, забыв благодения, ярим токмо на благодетеля оком возрит. Что ж, аще ругатися, аще начнет наступати! Кто же сие проклятаго сего зменника неблагодарствие изрещи возможен? За толикую любов монархи своего, еликой весь мир удивляшеся, толикую беззаконный, показа вражду, еликой такожде весь мир удивися. О, кого сие иступлением не помрачит! Пси не угрызают господий своих, звери сверепыя питателей своих не вредят; лю-

тейший же всех зверей раб, пожелала угрызити руку, ею же на толь высокое достоинство вознесен и на том крепче держим бяше. Дерзну наступити на царство того, от него же приять область, неким царством равную. Не устранился Хамова безстудия, не убояся Иудина беззакония, не вострепета Ариева клятвопреступства, не помысли о священнойшей и невредимой чести христа господня, студ и вред отечества нашего! Лжет бо, сыном себе российским нарицая, враг сий и ляхолюбец. Хранися таковых, о Россию, и отвергай от лона твоего, аще ли ни, не остатнюю уже беду утерпела еси; имаша всегда посити змия в ндрах твоих и приличествует тебе глас божий, Езекиилеве иногда изреченный: «Посреде скорпий живеша ты».

Таковыя убо скорби и смущения, таковыя мятежи внутренныя, со внутр сущим супостатом связавшиися. Кто исповестъ, коликия труды и неудобствия приложиша ко брани сей! Найпаче егда плелельными зменничими посланияи начата смущатися некия грады и преждожа на страну супостатскую многомятежншт запорожци, и проявитпаса по многим места! между усобныя мятежи и нашествия, и ожидаху от Молщи и зваху от Ордь сил помощных, на коль многия zde и различия части нужда бяше разделяти воинство российское! Ставити по крепостех градских, посылати по всех пределах царствия, посылатп тта укрош; енис мятежных градов, па взыскание буптовипков, п грабителей, и убийцов и вниз Днепра до Сечи, и в нределы иолские на отражение спешащаго на помощь супостату нашему втораго супостата, не законного короля полского. Ум воистинну смущается, помышляя толикия неудобствия. Обаче всем сим и иным трудным делам и нуждам совершение удовлетворил еси премудрым твоим промыслом и силою мужественнаго твоего воинства, пресветлейший монархо! И отсюду да познают народы многомошную силу державы Российския; не много бо государств обрящеши, яже бы возмogli толикие неудобствия купно понести и испразднити.

Но да заключу все во кратце, еже трудную сотвори брань сию. Вижду сию свейскую брань веема быти подобную древней брани, нарицаемой Второй Пунской, юже творяху римляне со пресловутым оным Аннибалем, вождем карфагенским. Тая брань между всеми римскими браньми славнейшая, ибо и лютейшая быти почитается, а всячески нынешней подобная. Ибо и подобную име вину свою, и тако сильный бяше супостат и исперва велик и страшен показася, и на долгое время протяжеся брань, и вся неудобствия и нужды нынешним бяху подобныя; такожде бо на многии преношашеся места — до Испании, до Италии, до Сицилии, до Африки, и такожде в самой Италии многие зменники являхуса, преходящии

от римлян до Аннибала. Сие чаете и многократне. Помышляюще, чудихомся таковому случившемуся великому подобию. Но еще токмо желателно бяше, дабы лютая брань сия и в конец уподобилася оной брани Аннибалевой, сиесть дабы увенчанна была всежелательным гордаго нашего супостата победением, ибо и тогда по многих великих ратех в конец побежден есть от Сципиона Аннибаль и всему миру от того часа страшна сотворися держава Римская. И се уже достизохом желаемого! Се исполни во благих желание твое господь, о благополучная о царе твоём Россия! Побежден внешний, побежден внутренний твой супостат. О вести неслыханной! О вести радостной и страшной! Радостной благополучием, Страшной удивлением! Радостной царству, страшной супостатом! Радостной другом, страшной врагом твоим! О неописанной и мало когда слышанной победы!

Представете себе пред очи, благоразумный слушателие, вся вышше реченная лютая, вся нужды и неудобствия, ими же брань сия тяжка зело сотворилася бяше, и узрете дивную победу. Кто побежден? Супостат от древных времен сильный, гордостью дерзкий, соседом своим тяжкий, пародом страшный, всеми военными доволствы изобилующий. Где и когда побежден? Во время зело лютое, брани внутр отечества нашего вшедшей, егда укрепися зменническнм оружием, егда ему удобие, нам же неудобствия умножишася, егда оп большее, неже имейше, собра, наш же пресветлейший монарха па многа места раздели воинство свое. Словом ретци, побежден есть тогда, егда мняшеся победу в руках держати. Дивная се и страшная сотвори с нами крепкий во бранех господь. Но узрете, коим образом побежден есть. Дерзок исповедуем и великодушен бяше; но, узрев близ мужество не преодоленное и храбрую силу пресветлейшаго монархи нашего и его преславнаго воинства, малодушен показася: пришед бо на брань и умножив силу прилучением зменничим, обаче от брани устранился начат. Не ожидаше его российское воинство, но искаше; искаше же в местах не безбедных, творя себе трудный преход чрез реки. Что се есть? Критися ли к нам пришел еси, о супостате? Тебе предлежит искати наших, понеже дерзко и гордо во отечество наше вшел еси. Но отсюду вестно есть, яко не вшел еси, но зменником введен. Но не укрися богом укрепляемой десницы твоей, преславный победителю, царю и воине непобедимый! Криюшася обрел еси, храняшася от бою до бою понудил еси. Что же творит? Забыв себе лва быти, употреби лисовой хитрости и татьски нападе на полки твоя. Но и таковым коварством ничтоже успев, до отчаянной, сиесть до крайней, вселютейшей силы понужден есть. Сеже на верховную и никогдаже забвенную славу твою, аще бо

когда, тогда найпаче непобедим бывает супостат, егда отчаевается победы. И воистинну победити отчаяннаго нечаянная победа есть. Услышит убо весь мир и удивится, яко толикий и уже отчаянный супостат от тебе побежден есть; но множае удивится, егда услышит, како побежден. Доволно бо было бы ко совершенной славе твоей, аще бы толикого супостата с поля токмо отгнал еси. Ныне же что виде поле Полтавское! О поле благополучное! О поле достойное победительными знаменьями и торжественным неким зданием украшенно быти на вечную память толь преславной победы! Что бо виде? И кий позор на себе показа? Ужас быше видети возмущенный и небес досязающий от праха и дыма военного облак. Ужаснее зрети безчисленная семо и овамо летающая блистания и слышати непрестанныя страшныя громы; рекл бы кто, яко не на земли, но на небеси творится брань, и яко не оружием, но молнием поражают себе противный полки. Но в таковой тме и курении ясно на вес мир блисну слава российских воев, и посреде толиких марсовых волн непоколебася мужественное твое и твоего, пресветлейший монархо, воинства сердце. Егда бо от нестерпимаго громогласия стенаше земля, егда окрестный страны страхом движахуся, егда шумяху леса прогоняемым от огня и грома воздухом и на арматныя рикания страшным риком отвещеваху горы, и закри лице солнцу дым, с прахом смешенный, единому токмо оставлшу свету, его же оружныя огне издаяху, — тогда не подвижеся храбрость и мужество твоего воинства, не испусти вопля, ни гласа, внимаше всем вождов своих велениям и мановением, не преступи ни малой черты ратнаго чина и закона; зряще безчисленные сопровит идущия на ся смерти не отврати очес, не воспяти следа, но паче устремися и смерть на смертоноснаго супостата нанесе. Видяше себе среде онаго огня быти, нань же издалече зрящих оледеневают сердца, обаче лучше еще раздеже ревность свою по бозе и цари, по веры и верности, по церкви и отечестве. Ревностию же тоєю толикую в себе зажже дерзость, еликой не чаяше видети гордый супостат и не надеяшеся слышати мир вес. Довлеет бо рещи, яко первыя еще полков твоих линии, не множае десяти тысящей в себе имущая, не стерпеша вси вой свейский и, забывше непобедимой своей титулы, хребет на студныя язвы обратиша. Яко и о них уже воспети подобает, еже иногда воспет псаломник о сынах Ефрем-лих: «Сынове, — рече, — Ефремли, напязавшии и спеющие луки, возвратишася в день брани». Тип обращают хребет, иже славяхуся нестерпимое имети лице; тип в бегство обращаются, их же издалече бежаху многия иныя народы. О силы, о славы твояе, Россию! Что же речем о собственной твоей храбрости, великий великих мужей вожде и великих супостатов победителю,

всероссийский монархо! Егда не слово токмо твое и повеление в полки твоя на брань препоясавшийся, посылая еси (еже единое по царственному чину довлеяше), но совершая царственное, купно совершил еси и воинское дело, сам высоким лицом твоим в лице супостату противу стал еси, сам на первыя мечи и копия и огни устремился еси. Страшный и славный позор! Возрадовася и купне вострепета Россия, узревши сие; возрадовася, видящи толикое мужество царя своего, вострепета же единого смертию вся умрети боящися. О блаженства, рече, моего! Коликую отселе имети буду славу, егда услышит мир и чести будут во историях последние веки, каков и колик во бранех показася царь мой! Обаче о люте мне, аще не покрьет его невидимым щитом своим десница вышняго! Его бо единою язвою вся уязвлена, его единого (еже да отвратит господь!) убиением вся убиенна буду! Не событсся на тебе, богом хранимый мужу, обещанное исаломником божие заступление: «Падет от страны твоя тысяща п тма одесную тебе, к тебе же не приблизится». Посреде острия мечов, посреде огненных градов, посреде многотисящных всюду летающих и сверпеющих смертей ни смерть, ни язва не приблизится к тебе. Болше что реку: приблизилася бяше (еже не без страха и трепета воспоминаем), приблизилася бяше смерть явная ко боговенчанной главе твоей, егда железный желюд пройде сквозе шлем твой. Но яко не вреди главы, ея же вредом вся бы повредила Россия, отсюду яве ест, яко ты живещи в помощи вышняго; яве ест, яко господь сил поборствует по тебе. И аще когда ныне яве показася, яко осеняет над главою твоею в день брани; яве же есть, яко еще и всего рода нашего не отрину от лона своего, но хранит в подкрилии милости своя и щитом силы своя заступает. Не един ныне отечества и православия нашего истинный любитель, поколебшийся первее от страха толь силного супостата, ныне же толикаго твоего и общаго благополучия достигший, не един, глаголю, благодуществуя, воспевае с псаломником: «Коль благ бог Израилев, правим сердцем! Мне же вmale неподвижастеся нозе, в мале не пролияшася стопы моя».

Аще бо леть ныне о сем страшном твоём случаи любомудрствовати, мню, яко неинной ради вины попусти господь видимой смерти приблизиться ко главе твоей, но не коснуться, разве дабы известно показал защищение свое, ниже тебе и твое царство сохраняет. Не был еси убо одеяп в железо, ни обложен твердою бронею, не имел еси ни щита, ни шлема мидяного, но аки нерушимою стеною и адамантивом забралом огражденно бяше царское лице твое невидимою силою вышняго. Господь сил, сокрушай брани мышцею высокою, бысть тебе столп крепости от лица вражия.

И вепдию zde показася, яко аше подобная дерзость и не без порицания бывает во инных царей, бедою своею беду на царство наводящих, обаче в тебе едином пезабвенная памяти и вечная славы достойна обретется: ниже бо от неразсуждения произиде, ниже отчаянием возжегся, но тайною силою силнаго во бранех бога поощрена есть. Той воведе тебе во страшный бой, иже и ополчился с тобою; той подвиже сердце твое ити в пламен военный, иже и щитом своего заступления огради тебе. Нетокмо убо не повинно есть ни единому порицанию сие твое преславное дело, но и невозможно изобрести слова, им же бы достодолжное похвалено было. Сие укрепи и на подвиг поостри вся твоя, сие устращи супостацкие полки и отъять духи сильным; сие не требует похвалных словес: егда глаголется токмо и слышится, всесовершенно похваляется. И дотоле его не умрет похвалная память, дондеже не оскудеют истории, последним веком тебе гласящая, сиесть со псаломником глаголя: «Память его пребывает в род и род». Ащеже и внешнею, но не ложною похвалою украсить дело сие восхощем, не инно что речем, токмо се, яко без такового, толь дерзновеннаго и храбраго твоего на ратном бою присутствия не была бы (якоже мнит ми ся), не была бы над толь страшным супостатом желаемая, но едва чаянная победа; аще же бы и была, но, дерзновение глаголю, не была бы таковая и толика. Ныне же что сотворися? Да слышат грады, и страны, и царствия, да слышит и удивляется вес мир! Многочисленное воинство, многие военачальники, и, что болшее, вси главные вожды и енералы, сиесть вси столпы королевства Свейскаго, оружием твоим сокрушении, твоему победителному поклонишася величеству, и иже владети Россиею надехуся, раби российстии сотворишася; прочии же безчисленнии, поклоншеся единому, не восташа и никогда не востанут. Кое се наше блаженство? Кое благополучие? Напоиша землю нашу врази кровию своею, иже пришли бяху пити кровь ея; отяготетиа трупием своим, иже мышляху отяготити ю игом своим; повергоша себе под ноги нам, иже на выя наша наступати готовляхуся. Что же реку о числе взятых войсковых знамен, оружий, запасов, користей, всего имения, всех обозов! Вся, яже многим градом и народом отъяша, дароваху России: аки бы не иной ради вины пришли к нам, токмо умрети и воинство российское наследники благ своих заветом написать.

Видехом поле Полтавское, прейдем прочее, аки гонятце в след избегших оттуду супостатов, и да видим, како и неплодные под Перевалочным бреги множество победителнаго вайя в песках своих израстиша. О неслыханной в народах победы! Множае шестнадесяти тысяч оружие носящих супостатских воев избеже

в поля ратного и трепетным бегством, аки крилами от страха израстшими, скоро устремися ко брегом Днепровым, яко же сами помышляху, спасения ради своего, а яко же вещь показася, не иной ради вины, токмо дабы не единою сотранны были и дабы не едино место и о нашей победе, и о их побеждении засвидетельствовало. Ибо, кроме не много дерзким и нужным плаванием спасшихся, мнози речною глубиною пожранны изгибоша, аки устыдившемуся Днепру самому зменнического имене, аше бы послужил ко спасению врагов, иже конечную пагубу на отечество навести тщахуся. Но что есть верх победительной славы! Все прочее избегшее от Полтавы множество, повергше под нозе достигших себе далече меньших числом российских воев толь славное свое оружие, вдаша себе в рабы и пленники и твоему, великоименитший победителю, величеству покоряшася. Не рех ли из начала, яко что либо от преславного дела сего просте изреку, изреку великую и неудоб верительную вещь! Зрете бо, о искуснии вси в бранех народи, разсуждайте вси, или очима видевшии, или во историях четшии многия борбы, и рати, и победы, аще удоб обрящется победа победе сей подобная! Мне бо, сие помышляюще, приходит на помысл древнее еллин и римлян присловие оружие от рук отъяти Ираклию. Сего же употребляху слова, егда кто хотяше силу некоего непреодоленного мужа показати. Толь бы крепкий и сильный у их Ираклий славяшеся, яко отъяти ему из рук оружие глаголаху быти вещь отнюдь невозможную. Что же? Не тожде ли вси народи славяху и о побежденном ныне супостате нашем? Кто не отъяти ему из рук оружия, но издали меч его возрети дерзну? Твой же Марс, о монархо всероссийский, мужественне того из рук ему исторже. Что, глаголю, исторже! Понуди нестерпимым страхом, дабы сам свое все оружие и купно оруженосцы своя повергл под победительныя ноги твоя. И сотворися победа, подобная Давидовой, над гордым филистином победе. Яко же бо Давид иногда, силою вышняго подкрепленный, поразив во главу Голиафа, исторже из руку его меч его и темжде обезглави его, тако и российское воинство, поразивши самага короля свейского, сиесть самую главу новаго сего Голиафа, супостата нашего, поношающего роду нашему, новому Исраилю, полкам бога живаго; поразивши, глаголю, великою язвою на теле, крайним же страхом на душе и сердци, исторже от рук у его толь славное и всем народам страшное оружие. О, коль блаженни, коль благополучии есте вы, им же случися поне издали смотрети на позор сей! О позор, всему роду российскому радостный, всему миру удивительный! Стояху возбрег Днепра многочисленный полки свейския и, узревше со аггелом господним поганяющим гонящия себе российские воя, оскуде-

ша духом и сердцем, безсилны и немощны от страха сотворишася и, аки не можаше уже держати в руках железа военного, повергаху на землю оружия своя и, аки ниже просте стояти можаше от трепета, прекланяху победителем колена своя. Кое се странное в дни наша и в нашем отечестве благополучие сотворися? Случается многожды, да едино воинство, не стерпевши силы другого, оставляет поле и бегают, но бегают, ищущи и надеющиеся лучшего исправления, и, многожды побежденный, избегший, гонящих за собою победителей побеждают. Славный иногда в том бяше и римскому царству тяжкий род парфянов, о нем же повествуют, яко найпаче побеждале бегством своим. Свейския же ныне полки, егда достигшему себе воинству российскому и оружия своя и себе самых с всяким смирением покориша, засвидетельствовала о себе и не хотяще, яко ниже надеяхуся исправитися, но помышляху себе отнюд не быти равных российстей силе и в едином токмо бегу надеяхуся спасения. Где гордость, где кичение о своей храбрости, где презорство первое, им же вся народы яко безсилныя презираху? Торжествуй, о Россие, и, благодуществующей, возопий: возвеличил есть господь сотворити с нами! И рекут, воистинну, во языцех: возвеличил есть господь сотворити с ними! А яко сам токмо со зменником избеже верховный враг твой, о великий победителю, бошую тебе славу себе же крайнее безчестие сотвори. Аще бо бы на ратном поли со прочими убиен был, дал бы тебе славу, но и часть славы себе оставил бы, яко до смерти мужественне подвизавыйся; егда же со студом избеже, самым своим страхом и трепетом велегласно всему миру свидетельствует, яко нестерпима есть сила твоя и яко господь сил, сокрушай брани мышцею высокою, поборствует по тебе. Устрашишася от гласа грома твоего, бежат от лица твоего ненавидящии тебе. Приходит мне zde на память, что повествуют о лву естеств списатели: егда, рече, лев не возмог насилию крепких ловцов противостати, на бегство устремляется; дабы не познали, в кую страну побеже, хоботом загребает следы своя за собою. Кто же ныне тожде не видит и на лве свейском? Видиши ты найпаче, яко с ним же бежай, — о изменниче! — не токмо телом, но и вероломством хромый; вижд ныне, како под крепчайшую руку отдался еси! Ныне ругайся российскому воинству, яко не военному; ныне познай, кто бегством спасается; сия бо бяху инными укоризны твоя. Но и пророчество твое, им же свейской силе на Москве быти прорекл еси, отчасти истинно и отчасти ложно есть: мнози бо уже достигоша Москвы, но мнози под Полтавою возлюбиха место. Непобедимый же заступник твой не улучив на Москву п от пути дому своего заблуди. О крайнаго твоего безумия! Кое льщение, кая мечта сведе сердце

твое воздвигнути руке на господина своего и толиким смущением поколебати народ? Кая надежда, кое упование бяше? Или что не достояше тебе не ко препитанию жития, но ко угодию и чести? Добре и мудре изобрете некто притчу: пес, — рече, — похитив негде часть мяса, егда носяше воскрай брега речнаго, узре в воде сень мяса изображенную, и, разумев быти инное, мясо упусти во воду, еже име, хотя похитити мнимое, и тако и мнимаго не обрете, и истинное погуби. Научитесь падением сего неблагодарнаго вси, непослушнии господиям и благодарнии благодетелям своим, зрете на сем яве собившееся прещение божее, усты премудраго Соломона изреченное в главе 16: неблагодарное упование, яко зимний иней, растанет и изльется, яко вода неключима.

Таковую убо и толь преславную победу твою, о преславный победителю, кое слово изрещи, кая похвала по достоянию увенчати возможен? Не много таковых побед во памятех народных, во книгах исторических обретается. Инде побежден будет супостат немощный, zde гордый, сильный и страшный; инде оскудевший в потребных и лишенный всякой помощи, zde многих народов имений обогащенный и подкрепленный зменничею силою; инде отчасти пораженный суще, отчасти же цели в дома своя возвращаются врази, наши же zde супостаты со всем воем и вождов множеством ово плененны, ово убиенны суть, а и немного избегших занесе страх не в дома их, но в безвестная им места. Услышат ближнии и соседы их и рекут, яко не в землю нашу, но в некое море внидоша силы свейския; погрузишася бо, аки олово во воде, не возвратися вестник ко отечеству своему. Что же прочее? Инным победителем великое восписуется благополучие, аще едину брань со многими чуждыми и своими силами возмогут раздрушiti. Ты же, пресветлейший самодержче всероссийский, сам собою, своим мужественным воинством, без всякой иноземной помощи, единым устремлением, за немного часов, двоих змиев, две лютые ехидны — брань, глаголю, свейскую и изменническую, — сильно растерзал и умертвил еси. В конец: таковую се тебе бог дарова победу, яковую слышаще верный твои и царства твоего любители, истаевают от радости; слышаще врази твои, исчезают от зависти; слышаще вси странный роди трепещут от страха и различными помыслы колеблются. И ныне нам приличествует возглашати: услышите сия, вси языци, внушите, вси живущии по вселенной! С нами бог! Разумейте, языци, и покарьтесь, яко с нами бог.

Яко убо иногда Самсон в растерзанном от себе лве обрете пчелы и мед и, усладився от него, предложи гадание: от ядушаго, рече, ядомое изыйде, и от крепкаго изыйде сладость. Подобие и тебе, пресветлейший монархо, божиим благословением случися.

Растерзал еси, аки второй Самсон (не без смотра же, мню, божия и в день сей Самсона случися победа твоя), растерзал еси мужественне лва свейского. Се убо обретавши в нем сладкий нектар. Се и на тебе Самсоново гадание исполняется: от ядущаго изыйде ядомое; от того, иже пожерл бяше отеческия твоя земли и многих народов пожре имения, имеши ядомое, толикий и толь дивную воинства его пленъ и все пребогатая користи; от крепкаго изыйде сладость; понеже крепкий сый и страшный непобедимоу твоему десницею побежден есть: того ради сладчайшая есть торжественная радость. И якоже горко слышати бяше от су мнящихся и малодушествующих; невозможно победенным быти всем воим свейским, тако невоместимая ныне сладость всех, нелицемерне любящих царство твое, сердца исполняет, егда видим уже онаго страшнаго и непобедимаго супостата побежденна преславно, побежденна победою неслыханною, на весь мир дивною и страшною.

Пий убо сие свышше данное тебе вино радости! Услаждайся всенароднаго веселия нектаром, отри победителным вайем поты твоя, от вара военнаго источенныя; красуйся и ликуй о мужественном твоим воинстве: се видиши в нем великий плод уставленнаго тобою рыцарскаго учения. Соиграйте и вы, о крепкий столпы и адамантовы щиты отечества нашего и православия, премудрии военачальники и воины непобедимый! Облетит всю подсолнечную громогласная слава, гласящая вашу и царя вашего храбрость, и рекут странный роди: достоин царь таковаго воинства и воинство таковаго царя. Вся твоя и дела и деяния, пресветлейший монархо, дивная воистину суть. Дивне презираеш и светлость и велелепие царское, дивне толикие подъемлещи труды, дивне в различныя себе вовергаеши беды и дивне от них смотрением божиим спасаешися, дивне и гражданския, и воинския законы, и суды уставил еси, дивне весь российский род тако во всем изрядно обновил еси. Обаче ныне достигл еси верха дивной славы, и отседе не воспомянет тебе никто же без великаго удивления. О нас, блаженных! О нас, благополучных! Что се с нами по неисчетным своим щедротам сотвори бог? Забываются все мимошедшии скорби за нашедшая безмерная и безчисленная благая. Кия бо плоды от победы сей родишася нам? Превеликая слава народа нашего, здравие, безпечалие, мира возвращение, всякое изобилие, церкви благостояние. Что же прочее? О, благословения иа нас твоего, боже наш! Мнит ми ся, яко светает уже день той, вон же проклятая унея, имевшая в отечество наше вторгнутися, и от своих гнездилищ изверженна будет, святая же православно-кафолическая вера, юже от Малой России служители диаволския изгнати хотяху, и во иныя страны благополучие прострется. Будет

то, укрепляюшу богу десницу твою, пресветлейший монархо; будет не усумневаемся; будет, надеемся тако, аки и получихом.

А яко же изначала слова моего рекох, тако и в конец нелицемерно и неласкательне исповедую: несть слово довольное, несть похвала равная сему твоему богом поспешествованному и богом совершенному делу. Еже не токмо, егда первее услышахом, но и коль краты в ум приемлем, играет сердце, воздвизаются удивлением мысли. И не ино что на уста приходит, токмо различные оныя духом святым иногда воспетыя гласы, торжеством вкупе и благодарением божью помощь славящия. «Поем господеви, славно бо прославися. Велий господь наш, и велия крепость его, и разуму его несть числа! Сотвори с нами величия сильный, и свято имя его. Се бог наш, и прославим его, бога отца моего, и вознесу его. Господь сокрушай брани, господь — имя ему. Кто подобен тебе во бозех, господи, кто подобен тебе? Десница твоя, господи, прославися во крепости, десная ти рука сокруши враги, и множеством славы твоея стерл еси супостаты! Господи, силою твоею возвеселится царь и о спасении твоём возрадуется зело». О крепкий во бранех господи! Не преставай и до века тако прославляти в нас непобедимую силу твою, храня и защищая люди твоя и сокрушая враги креста твоего! О славо Израилева! О едина похвало верных твоих, господи! Укрепи, боже, се, еже сотворил еси в нас! Да будет сия, тобою данная победа во славу имени твоего, в радость всему православию, в страх и трепет всем злославным и враждебным иноверцем, в похвалу цареви нашему, во образ наследию его. Не отсупай и в последние дни вернаго твоего служителя, православнаго монарха нашего, ополчаяся окрест его и укрепляя оружие его, дондеже испразднятся вси жестоковыйнии и непослушливый раби, дондеже покорятся вси востающии нань врази, дондеже вси языци, бранем хотящии, крайним ударении страхом, утихнут и не рекут: где есть бог их? Но купно с нами прославят отца и сына и святаго духа, ему же слава во веки. Аминь.

Епиникион

сиест песнь победная о тоейже преславной победе

Аще когда найпаче ныне нам желати
Достоит многих устен, убо ниже златый
Орган рифмотворческий воспѣти довлеет
Нашей ныне радости, ниже что успеет
Ветийских устен слово. О боже всесильный,
Еще наш приял еси вопль и плач умильный,
Еще нас не судиши в конец отринуты!

Победихом! Падесе супостат наш лютый,
И отступник приять казнь, отчества враг велий,
Ко нам же возвращенный грядет мир веселий
И безбедно здравие вести со собою.
Ныне и день лучшею красен добротою,
И солнце множайшая луча испускает,
И лице краснейшее цвет полный являет.
Но коим прииде видом победа нам сия
И погрузи во крови главы проклятыя,
Ты рци, славо гласная! По всей же вселенной
Разсей велегласие вести торжественной!
Уже брань десятое лето начинаше
(Время брани Троянской), егда уже бяше
Внутр отчества супостат сверепий и дивый,
Зменническим полчищем силу умноживый.
Тогда бог всемогущий, с высоты небесной
Призрев на люди своя и не терпя лестной
Ереси на избранных вию находити,
«Всеуе, — рече, — вся сия вражия наветы,
Да и всю лютость и вес изнурит яд зверный,
Хотя церковь попрасти и род благоверный.
Аще рука змѣннича тебе прилучися,
О свею, моя, яже в силе прославися
И сотре ад, десница со Петром на брани
Будет, и узрим, коей победа ждет страни».
Сия изрек, абие ожесточи тогда
Сердца супостатския; яко же иногда
Лютаго фараона обьять убо дивна
Гордость ум их и мечта, естеству противна.
Помыслиша бо себе от твердой сложенных
Руды и во стикгийской воде измовенных,
И не мощи своему язвится телу:
Таковую безумие мняху в себе силу.
В полках же православных бог непостижимый,
Хотя им дати крепость и щит нерушимый,
Всех сердца осязает и мысли подробну,
И, аще страх и трепет или неудобну
Ярость ко согласию тайне ощущает,
Изъемлет, и всех дивне духи сопрягает
Крепким любве союзом, и вливает твердо
Дерзость, но не безбожну и не жестосерду,
Дабы ни на смертную силу полка многа,
Ни на лук свой уповал воин, чтущий бога.

Твое найпаче сердце смотрители^ строит,
О Петре, царей славо, и, яже достоин,
Потребныя времени подает советы
И благополучными веселит обеты.
Тако егда обоим странам бог высокий
Судбы своя устрой, абие жестокий
Марс сию часть и ону начат поощрати;
Скорим бегом и ветру подобим до рати
Полки устремишася; сих ревность по вери
И отчестве раждеже, овех же без меры
Распали бес яростный и жаждующий крови.
Летит свЪй, летит купно зменник неистовый.
Камо духом бесовским бежиши носимый,
Студс веку нашего, вреде нсстерпимый?
На отца отчества мещеши меч дерзкий!
О племя ехиднино! О изверже мерзкий!
Забыв любов отчую и презрев самага
Твердый закон естества! Обаче се благо,
Яко скорый есть на казнь, косний сий на дело.
Бежете, скорой мести тебе, скорой зело!
Но и zde непостоян злый зменник явися,
Зменив царю и Марсу: егда бо откряся
Поле бою страшнаго, не токмо входити
Во ратный огонь, но ниже издалече зрети
Не дерзну; но сугуб студ приять вместо рани,
Неистоян во вере, трепетен во брани.
Зрем же, что и свей дерзкий силою своею
Успе храброй России, борясь со нею.

Блисну огнем все поле; многия воскоре
Излетеша молния; не таков во море
Шум слышится, егда ветер на ветер ударяет,
Ниже тако гром з темных облаков рыкает,
Яко гримят армати, и гласом и страхом,
И уже день помрачи дым, смешен со прахом.
Страшное блистание, страшный и великий
Град падает железный; обаче толикий
Страх не может России сил храбрех сотерти:
Не боится, не радит о видимой смерти.
Но егда тя, о царю и воине сильный,
Узре посреде огня, объять ю страх zelный,
Вострепета и крайней убояся страсти,
Да бы в едином лицу всем не пришло пасти.
Но не попусти прийти бедству таковому

Бог сильный. Абие бо от горняго дому
Низпосла щит (щит, им же во лютое время
Хранит грады, и царства, и людское племя)
И вся на главу твою и на твоя силы
Летуция сотвори безделныя стрелы.
Свей же, во оружии своем уповая,
Гинет явственнь, егдаа коей избивая
Смерти, огнем летущой; лиется кровь всюду;
Стелет землю трупие; мало уже люду
Зрится во полках его. И недолго быше
Сумнительна победа. О блаженство наше!
Царю богом венчанный, ты, силен о бозе,
Сокрушив, повергл еси гордаго под нозе.
О день благополучный! Кий язык и кое
Слово изреши может блаженство такое!
Укри труп свейский поле, падесея род лютый,
Наша покусивыйся главы низринути.
Что о воех и вождах речем во плене взятых?
О користех, знаменах и бронях богатых?
Аки бы з тым супостат пришел к нам советом,
Да бы нас наследники благ своим заветом.
Крайним явь сотворил; инных скороногий
Страх изнесе, и уже во силе немногий
Сам лев, иже многия устрашаше грады,
В лесы, в чащыб побеже искати отрады.
С малою ли бежиши, звере, срамотою,
Хоботом заглаждая след твой за собою?
Кое убо торжество, кий лик будет равный
Своей победе? Тебе же, монархо державный,
Что в дар твоя Россия принесет и кия
Воспоет песни? Ибо победити свея
Коим либо образом дивно бы всем дело
Было, яко в повестех славимаго зело.
Что же, егда лютая в отчества пределы
Внийде брань и ко врагом зменпичия силы
Приставше зваху роди, царствию твоему
От древле враждебныя, ко числу своему;
И молвы великия повсюду восташа,
И аки море земля потрясесе наша. —
Коликия zde врагом возрастоша роги,
Тебе же неудобства и труды премноги!
Требе быше на много частей разделяти
Воинство и многия грады укрепляти,

Укрощевати молвы, пределы хранити,
Блюсти и познавати двоих врагов сети.
Обаче в толь тяжкий год (О бессмертной славы
Дело!) победил еси. Позна величавый
Свей суетну бров быти гордины своя
И, поражен силою десници твоя,
Аки с небес молнием, достиже злонравный
В конец Фаетоновой погибели равный.

Темже приими, о храбрый царю, цвет победный
И силы, яже в тебе Марс сей многобедный
Изнутри и сотрясе трудом непрестанным,
Обновляй всерадостне торжеством избранным.
Совоплещут градове на слух сей веселий,
Пройдет стены и врата глас торжества велий.
Ныне тебе родися слава, царству равна,
И титла, паче царских титл честна и славна,
О сем преславном деле, в песнях неслыханном:
Пети будет веселник по морю пространном;
Пети будет на холме путник утруженный,
И оповёсте иногда леты изнуренный
Старец внуком, и, яко своима очима,
Виде то, внуци старца нарекут блажима.
Мало се: пройдет скоро глас сей торжественный,
На мир весь сугубому верху подложенный
Всяк слышай сумненные мысли в сердце примет,
И всех силы твоей страх велий обиймет;
Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати
И не дерзнут рускаго Марса раздражати.
Бог же, сие блаженство давый нам тобою,
Тоже твоим здравием и дний долготою
Да укрепит, желаем, всегда ти побѣдну
Дая помощь, да бы и лютую ехидну,
Пиющую кровь святых, твоим же убити
Дал тебе оружием, и вся сокрушити
Темници варварския и ярем безмерный,
И от долгих узилищ извести род верный,
Даже, вся победныя совершивше рати,
Крест на стенах Сионских водрузиши златый.